

ВОСТОК И ЗАПАД: «...ВМЕСТЕ ИМ НЕ СОЙТИСЬ»?

А.В. Корневский, Д.В. Сень

Краткое предисловие

К участию в дискуссии мы пригласили разных представителей гуманитарного научного цеха. Откликнулись философы, этнологи и историки, представляющие различные научные и культурные центры России. Философ А.Н. Ерыгин плодотворно исследует историю становления цивилизационного подхода в исторических и философских трудах на примере крупной научной проблемы – «Восток-Запад-Россия». Востоковед В.О. Бобровников изучает историю европейских концепций Востока (ориентализма), трансфер колониального знания между Россией и другими империями, взаимоотношения востоковедения и ориентализма в России, историю ее восточных окраин. В.И. Колесов – специалист по истории и этнографии различных этнических групп на Кавказе XVIII–XX вв. Он изучает процессы их «конструирования» – на примерах амшенских армян, черкесогаев, понтийских и горских греков, горских евреев и т.п. сообществ. В фокусе его внимания – их идентичности, обусловленные российскими и османскими имперскими традициями и методами управления на Кавказе, советской национальной политикой «коренизации». Философ и историк А.В. Лубский предложил многомерный методологический конструкт компаративных локально-цивилизационных исследований. Он также занимается сравнительным изучением западноевропейской, российской, исламской, индо-буддийской и конфуцианской цивилизаций.

Корневский Андрей Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории средних веков и нового времени Института истории и международных отношений, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, koren@sfedu.ru.

Сень Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, dvsen@sfedu.ru.

Открывая дискуссию, нам хотелось услышать мнение современных российских ученых о возможности использования ключевых ее понятий как в конкретно-исторических, историко-антропологических и т.п. исследованиях, так и в теоретико-методологической сфере, в области исторического мышления и сознания. Не обойти стороной историю анализируемых в дискуссии понятий, «воображаемое» пространство которых изменялось и продолжает изменяться как под влиянием интеллектуальных деконструкций концептов «Запад» и «Восток» (и всего того «пучка смыслов», с этими концептами ассоциируемых), так и вследствие изменчивости социокультурных реалий, данными понятиями маркируемых. Соответственно, пространство нашей дискуссии намного шире, нежели узкопрофессиональная критика тех или иных концепций Востока и т.п. Представился несомненный повод обсудить перспективы использования в гуманитарных исследованиях по теме дискуссии «похожих» оппозиций: «свое/чужое», «традиция/модернизация», «вестернизация/ориентализация», «ориентализм/оксидентализм». Обсуждается также вопрос о том, каким образом на разных этапах изменялось европейское знание о Востоке, по-разному (пере)осмыслявшееся интеллектуалами – в науке, музыке, литературе и пр.? Особое место в истории такого знания принадлежало и принадлежит России. Европейские и российские концепции Востока не совпадали друг с другом. С одной стороны, европейские интеллектуалы конструировали образы Востока и России как его неотъемлемой (хотя и специфической) части. С другой стороны, Восток амбивалентно оценивался самой Россией, позиционирующей себя как «не-Запад» наряду с дистанцированием от Востока и ориентализацией своих «внутренних» территорий. Наконец, не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что контрверзы вековой полемики России с ее западными соседями не вполне понятны ее соседям с востока: они-то Россию «Востоком» никогда не считали, и для них русские/россияне были и остаются *людьми Запада*.

Мы полагаем возможным дискутировать не только о взаимной диалектической связи (как единстве противоположностей) «Востока» и «Запада», но и как о конкурирующих моделях в объяснении «нормальности» или «отклонения» от некоей традиции (идеала) цивилизаций и культур. «Изобретение» Востока и его образов обсуждается в дискуссионном ключе как результат не только культурного и академического творчества, но и борьбы за политическое и иное доминирование. При этом нет нужды доказывать, что ориентализм, как способ описания и интерпретации «инаковости» Востока? продолжает существовать – «даже» в пространстве сегодняшних постколониальных исследований. Один из выпускающих редакторов вспоминает, что конкретный ученый, пишущий о Кавказе XIX в., негативно отреагировал на предложение заковычить в своей статье слово «туземцы». В своих возражениях составителю сборника статей он апеллировал... к «безобидной» семантике слова «туземец» в словаре В.И. Даля (!). Случай не единичный: на страницах некоторых современных кавказоведческих трудов вновь замелькала аналогичная «колониальная» лексика. Ее современные сторонники обращаются к языкам описания «хищнического» Кавказа, отраженным в российских документах XVIII–XIX вв. Такие ученые сознательно акцентируют внимание на культурной «нормальности»

подобной лексики в восприятии Кавказа и «кавказцев» русскими современниками. В указанной связи поддержим мнение В.О. Бобровникова о том, что специалистам «не нужно некритически транслировать нарративы и язык своих источников».

С одной стороны, изобретение «Востока» оказалось связано с традицией европейского (западного) способа цивилизационно-исторического существования. С другой стороны, эвристический потенциал предложенной конструкции отнюдь не сводится к реконструкции или деконструкции концепции ориентализма, часто соотносимой с именем Э. Саида и с его трудами. проблеме культур Запада и Востока. В указанной связи считаем немаловажной следующую позицию: в «объективной реальности», т.е. вне пределов исторического воображения не существовало и не существует ни «статичного» Востока, ни постоянно рефлектирующей по поводу его ориентализации «единой Европы». Более того, гетерогенным оказывается не только пространство Востока (чье этнокультурное и религиозное многоцветье очевидно даже для неискушенного наблюдателя), но и сам «оксидентализм», в котором выделяется т.н. «позитивное» и «негативное» содержание. Неслучайно один из вопросов дискуссии оказался связан с культурными и иными границами «Востока» и «Запада». Впрочем, подобная постановка вопроса не свидетельствует о необходимости обязательной деконструкции указанной культурной модели. Изучение культур Запада и Востока (этими понятиями мы все равно активно пользуемся) действительно возможно в рамках различных дискурсов и исследовательских направлений. Одним из таких направлений является востоковедение, фундаментальные знания которого о Востоке формировались не только языком «идеологии подчинения». Это дает основания многим востоковедам, сегодня активно критикующим концепцию Э. Саида, уверенно разводить пространство ориентализма и ориенталистики, как науки о Востоке. В указанной связи выскажем мнение о том, что европейское (прежде всего – немецкое) востоковедение XVIII–XIX вв. сыграло важную роль не только в ориентализации Востока, но и в позитивном осмыслении «Другого», в сближении двух великих (во всех смыслах) и нуждающихся друг в друге культурных миров.

Вновь вспоминая о символике названия, вынесенного в тему номера, подчеркнем: лирика И.В. Гете имеет не только литературную, эстетическую и мировоззренческую ценность, но и теоретико-методологическое значение, ибо представляет собой одну из первых попыток снять кажущуюся «очевидность» культурного и иного противостояния Востока и Запада, реального освоения «чужого» культурного опыта. Данное произведение – несомненное подтверждение тезиса о возможности возведения прочных культурных мостов между Востоком и западом над разделяющей их «зияющей пропастью» (если воспользоваться выражением К.Г. Юнга, абсолютизовавшего различия между Востоком и Западом: «Нельзя смешать огонь и воду»). Экзотика Востока – не главное для И.В. Гете, даже нарочито архаизирующего Восток. Недаром, как полагает современный знаток творчества великого поэта, «гетевский эксперимент мягкий и осторожный: ...”свое” и “чужое” терпеливо привыкают друг к другу, ищут общее в самих себе. Эта мягкость чуть скрывает жесткость

столкновения, не между Западом и Востоком, но внутри самой испытывающей перелом западной культуры» [Михайлов, 1988, с. 613]. О том же, по сути, писал еще Г. Гейне: «Неописуемо очарование этой книги; она – “селям”, которое Запад посылает Востоку... Но этот “селям” означает, что Западу тошно стало от морозно-тощего спиритуализма и он стремится вкусить от здорового телесного мира Востока» [«Западно-Восточный диван» Гете]. Между тем, ориентализм И.В. Гете формализовано, по нашему мнению, рассматривается Э. Саидом в пространстве одноименного литературного жанра, как выражение «коллективных грез Европы о Востоке» [Саид, 2006, с. 83]. Говоря другими словами, Э. Саид не вполне справедливо соотносит художественное творчество И.В. Гете с т.н. «имагинативными практиками», повлиявшими на ориентализацию Европой Востока.

Наши дискуссанты, полагаем, едины во мнении о конструктивистской природе указанной оппозиции, впрочем, и сегодня обладающей определенным эвристическим потенциалом. Этот потенциал может быть связан, например, с исследованием истории идей и понятий, имперского дискурса (воображаемые границы имперских территорий, «внутренний ориентализм» как способ управления и конструирования имперского ландшафта и пр.). Ментальные границы Запада и Востока, справедливо полагают участники дискуссии, продолжают меняться, отражая, тем не менее, их устойчивые культурные характеристики, в т.ч. по отношению к России. При этом сама она плохо вписывается в бинарные схемы ориенталистского дискурса. Правомочно, тем не менее, говорить о «российской душе» ориентализма, что перспективно использовать при сравнительном изучении европейских концепций Востока. Некоторые из приглашенных специалистов, опираясь на определенную академическую традицию, высказали мнение о возможности изучения двух больших культур без выпячивания на современном этапе недостатков или достоинств наиболее известных европейских концепций Востока. Актуальной, по их мнению, является ситуация, в которой многие обществоведы и сегодня используют понятия «Восток» и «Запад», зачастую не вкладывая в них очевидного идеологического звучания. Вместе с тем дискурсивные практики осмысления Востока и Запада сегодня активно продуцируются за пределами академического знания и влияют на общественные настроения. Некоторые дискуссанты подтвердили мнение о том, что в конкретно-исторических исследованиях сохраняется значение указанных категорий, по-разному оценив такое положение вещей. Представляется, что не все ученые-гуманитарии (прежде всего – историки!) оказались готовы к ревизии «позитивистского» эвристического потенциала привычных «колониальных» понятий – невзирая на то, относят они себя к сторонникам классической или неоклассической исторической науки. Между тем, один из участников дискуссии небезосновательно призвал именно отечественных историков отказаться от восходящих к колониальной эпохе бинарных оппозиций и стереотипов о мусульманском Востоке. Наконец, приглашенные специалисты отметили, что меняющийся мир в начале XXI в. активно воспринял различные концепции Востока («не-Запада»), что произошло благодаря не только ревизии научного знания, но и активного шествия Востока на Запад. Не означает

ли это, что перед нами – новая попытка двух больших культур сойтись в обоюдном движении?

Ключевые слова: Восток, Запад, Европа, дискуссия, концепции, ориентализм, культура, культурные модели.

Вопросы дискуссии:

1. «Восток» и «Запад» – метафоры, теоретические модели или историческая реальность?
2. Насколько исторически неизбежна дихотомия «Восток-Запад»? Восток – «то, чего не могло не быть», а Запад – «то, что могло не случиться»?
3. Насколько герметичны границы «Востока» и «Запада»? Возможны ли контактные зоны («не-Запад – не-Восток», «полу-Запад – полу-Восток») или анклавов («Восток на Западе», «Запад на Востоке»)?
4. Какое место в «западных» (европейских) концепциях Востока занимала и занимает Россия?
5. Какие, по вашему мнению, концепции «Востока» («не-Запада»), изобретенные в XIX–XX вв., получили актуальное звучание на рубеже тысячелетий и почему?

Участники:

Бобровников Владимир Олегович, кандидат исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук.

Ерыгин Александр Николаевич, доктор философских наук, профессор Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

Колесов Владимир Игоревич, заведующий отделом истории и этнографии Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына.

Лубский Анатолий Владимирович, доктор философских наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

THE WEST AND THE EAST: “...AND NEVER THE TWAIN SHALL MEET”?

A.V. Korenevskiy, D.V. Sen'

Short introduction

To participate in the discussion, we invited various representatives of Humanities. The philosophers, ethnologists and historians, representing diverse scientific and cultural centers of Russia, responded. Philosopher A.N. Erygin fruitfully explores the history of the civilizational approach formation in historical and philosophical works on the example of a major scientific problem “East-West-Russia”. Orientalist V.O. Bobrovnikov studies the history of the European concepts of Orient (Orientalism), the transfer of colonial knowledge between Russia and other empires, the relationship between Oriental and orientalism in Russia, the history of its eastern margins. V.I. Kolesov is an expert in history and ethnography of various ethnic groups in the Caucasus of XVIII–XX centuries. He studies the processes of their «construction» on examples of Hamshen Armenians, Circassians, Pontic and Mountain Greeks, Mountain Jews, etc. communities. His focus is on their identities, conditioned by the Russian and Ottoman imperial traditions and methods of administration in the Caucasus, the Soviet national policy of “rooteness” (“corenizacii”). Philosopher and historian A.V. Lubsky proposed a multidimensional methodological construct of comparative local-civilizational research. He is also engaged in a comparative study of Western European, Russian, Islamic, Indo-Buddhist and Confucian civilizations.

We believe it is possible to discuss not only the reciprocal dialectical connection between the “East” and the “West”, but also competing models in explaining civilizations and cultures. The “invention” of the East and its images is discussed in a debatable manner as a result of cultural and academic creativity, the struggle for political and other domination. At the same time, we believe that Orientalism, as a way of describing and interpreting the “otherness” of the East, continues to exist today.

Korenevskiy Andrey V., Candidate of Science (History), Associate Professor, the Head of Department of Russian Medieval and Modern History at Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, koren@sfedu.ru.

Sen' Dmitry V., Doctor of Science (History), Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, dvsen@sfedu.ru.

On the one hand, the invention of the “East” was associated with the tradition of the European way of civilizational and historical existence. On the other hand, the heuristic potential of the proposed construction today is not reduced to the reconstruction or deconstruction of the concept of Orientalism, often correlated with the name of E. Said and his works. In this connection, we note that outside the historical imagination there was neither a “static” East nor a continually reflecting on the orientation of its “one Europe”. It is no coincidence that one of the issues of the discussion turned out to be connected with the cultural and other borders of the “East” and “West”. This formulation of the question does not indicate a mandatory deconstruction of this cultural model. The study of the cultures of the West and the East is indeed possible within the framework of various research directions. Oriental studies are one of such areas. This gives grounds to many orientalists, who today actively criticize the concept of E. Said, confidently develop the space of Orientalism and orientalistics, as the research of the East.

Again, addressing the readers to the symbolism of the title, made in the topic of the issue, we emphasize: the lyrics of I.V. Goethe has not only literary, aesthetic and ideological value, but also theoretical and methodological significance. It is one of the first attempts to remove the seeming “obviousness” of the cultural confrontation between the East and the West, the real mastery of the “alien” cultural experience. This work is an undeniable confirmation of the thesis about the possibility of erecting strong cultural bridges between the East and the West over the dividing “gaping abyss” (using the expression of C.G. Jung, who absolutized the differences between the East and the West, “You won’t mix fire and water”). Meanwhile, Orientalism of I.V. Goethe is only formalized by E. Said in the space of the eponymous literary genre, as an expression of “Europe’s collective dreams of the East”. In other words, E.Said does not quite rightly correlate the artistic creativity of I.V. Goethe with the so-called “imaginative practices” that influenced the orientalization of the East by Europe.

Discussants are unanimous in their opinion on the constructivist nature of this opposition, which has a certain heuristic potential. This potential can be connected with the study of the history of ideas and concepts, imperial discourse, imaginary geography. Mental boundaries of the West and the East, according to the discussants, continue to change, reflecting their stable cultural characteristics, incl. relation to Russia. Some of the invited experts, relying on a certain academic tradition, expressed the opinion about the possibility of studying two large cultures without bulging at the present stage the shortcomings or merits of the most famous European concepts of the East. Actual, in their opinion, is the situation in which many social scientists still use the concepts “East” and “West”, often without investing in them an obvious ideological sound. At the same time, discursive practices of understanding the East and the West are being actively produced outside the boundaries of academic knowledge and influence public attitudes. Some discussants confirmed the opinion that in certain historical studies the value of these categories is preserved, assessing this state of affairs in different ways. It seems that not all scientists of Humanities (primarily historians!) were ready to revise the “positivistic” heuristic potential of the usual “colonial” concepts – regardless of whether

they consider themselves to be adherents of classical or neoclassical historical science. Meanwhile, one of the discussants reasonably called on domestic historians to abandon the binary oppositions and stereotypes about the Muslim East that are rising towards the colonial era. Finally, the invited experts noted that the changing world at the beginning of the XXI century actively perceived various concepts of the East («non-West»), which was due not only to the revision of scientific knowledge, but also the active procession of the East to the West. Does this mean that we are facing a new attempt of two large cultures to converge in a reciprocal movement?

Keywords: East, West, Europe, discussion, concepts, orientalism, culture, cultural models.

Issues of Discussion:

1. Are the “East” and the “West” metaphors, theoretical models or historical reality?
2. How historically inevitable is the East-West dichotomy? Is the East “what could not have been”, and the West – “what could not have happened”?
3. How tight are the boundaries of the “East” and the “West”? Are contact zones (“non-West-non-East”, “semi-West-semi-East”) or enclaves (“East in the West”, “West in the East”) possible?
4. What place in the “Western” (European) concepts of the East did Russia occupy and does occupy now?
5. What kind of concepts of the “East” (“non-West”), invented in the XIX–XX centuries, have received a current sound at the turn of the millennium and why?

Dicussants:

Bobrovnikov Vladimir O., PhD in History and Oriental Studies, Professor of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, Senior Research Fellow of the Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Erygin Alexander N., Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the Southern Federal University.

Kolesov Vladimir I., Head of Historical and Archeological Division, E.D. Felitsyn`s Krasnodar State Historical and Archeological Museum.

Lubsky Anatoliy V., Doctor of Science (Philosophy), Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

«Западно-Восточный диван» Гете. URL: <http://www.winstein.org/publ/10-1-0-760>. Дата обращения 16 марта 2018 г.

Михайлов А.В. «Западно-восточный диван» Гете: смысл и форма // Гете И.В. *Западно-восточный диван*. М.: Наука, 1988. С.600–680.

Саид Э.В. *Ориентализм: Западные концепции Востока*. СПб.: Русский Миръ, 2006. 640 с.

REFERENCES

"*Zapadno-Vostochnyy divan*" Gete [Goethe's "West-Eastern Divan"]. Available at: URL: <http://www.winstein.org/publ/10-1-0-760> (accessed 16 March 2018) (in Russian).

Mikhaylov A.V. *Zapadno-vostochnyy divan» Gete: smysl i forma* ["Goethe's West-Eastern Divan": Meaning and Form], in: Goethe I.V. *West-Eastern Divan*. Moscow: Nauka Publ., 1988. P.600–680 (in Russian).

Said E.W. *Orientalizm: Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: the Western concepts of "the East"]. St. Petersburg: Russkiy Mir Publ., 2006. 640 p. (in Russian).

Воображаемая география мусульман колониального Востока: понятия, подходы, проблемы¹

В.О. Бобровников

Imagined Geography of Muslims in the Colonial Orient: Language, Approaches, Problems

V.O. Bobrovnikov

1. «Восток» и «Запад» – метафоры, теоретические модели или историческая реальность?

Понятие «Запад» для меня не актуально, но с термином «Восток» я часто встречаюсь, потому что по образованию востоковед и давно занимаюсь историей восточных окраин Российской империи, в основном на Северном Кавказе. Этот регион лежит не к востоку, а к югу по отношению к политическим центрам России. Но источники имперской эпохи упорно называют его «Востоком». В принципе, я всегда стараюсь исходить в своих исследованиях из источников. Предмет моих исследований – ислам и мусульмане, а они устойчиво ассоциировались у европейцев (и русских) колониальной эпохи с Востоком.

Бобровников Владимир Олегович, кандидат исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, vbobrovnikov@hse.ru, vladimir_bobrovn@mail.ru.

Bobrovnikov Vladimir O., PhD in History and Oriental Studies, Professor of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, 16, Soiuza pechatnikov St., 190008, St. Petersburg, Senior Research Fellow of the Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 12, Rozhdestvenka St., 107031, Moscow, vbobrovnikov@hse.ru, vladimir_bobrovn@mail.ru.

---

¹ Работа поддержана Нидерландским институтом перспективных исследований гуманитарных и социальных наук (NIAS).

Для подражавших Байрону и увлекавшихся восточной экзотикой русских романтиков первой трети XIX в. Северный Кавказ и даже расположенный на западе от него Крым лежат на мусульманском Востоке. Так описывал Крым Александр Пушкин в «Бахчисарайском фонтане» (1824). Начало Кавказских войн изображено в «Кавказском пленнике» (1821–1822) как «умиротворение» силой русского оружия разбойных горцев мусульманского Востока:

Но се – Восток подъемлет вой!..
Поникни снежной главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!

Михаил Лермонтов видел в нем застывший в средневековье мусульманский Восток, пробудить который из спячки способно лишь русское завоевание («Спор», 1841). Этот взгляд разделял воевавший на Северном Кавказе и много писавший про него плодовитый беллетрист А.М. Бестужев-Марлинский. Восточные аллюзии Кавказского края общее место в русской классической беллетристике, что давно отмечено в историографии [Layton, 1994].

Имперские законодатели также считали мусульман Северного Кавказа, как и завоеванного чуть позже Туркестана, «азиатцами». После завершения присоединения к России и те, и другие получили правовой статус «оседлых и кочевых восточных инородцев (туземцев)» – неполных подданных империи, – который сохраняли до крушения империи в 1917 г. [Бобровников, Конев, 2016, с. 167–206]. Интересно, что похожую идентичность мусульмане получили в колониях других европейских держав, в частности в британской Индии и французском Алжире [Бобровников, 2010, с. 182–209]. При этом правовые классификации в них могли быть сложнее. Так, голландцы разделили в 1854 г. коренное население Нидерландской Ост-Индии на «туземцев» (Inlanders) и «восточных иноземцев» (vreemde Oosterlingen). К числу последних относили выходцев из арабского Йемена, Китая, Индии, Японии и некоторые другие меньшинства. С другой стороны, в Индонезии жили европейцы (в основном подданные королевства Нидерландов) и приравненные к ним местные христиане [Fasseur, 1994, p. 31, 35–38]. Позднее правовая структура Нидерландской Ост-Индии не раз менялась: категория близких к европейцам была упразднена, японцы переведены в разряд европейцев. Но «туземцы» и разные группы восточных иноземцев сохранились в правовой классификации колонии до японской оккупации в 1942 г.

Восток занимал важное место и в словаре внешней политике европейских держав XVIII – начала XX в., обозначая попавшие в зависимость от них азиатские страны от Османской империи до Китая. Так, борьбу великих держав за раздел владений слабеющей Османской империи, этого «больного человека (homme malade)» Европы, как образно назвал турок в беседе с Меттернихом Николай I (1833), в XIX в. называли «Восточным вопросом». Игнорировать сведения источников историку нельзя, но, не нужно некритически транслировать нарративы и язык своих источников. Вместе с тем не надо и говорить на языке историков-позитивистов прошлого, рассматривавших Восток как географическое понятие и реально

существующее явление. Наука не стоит на месте и, пусть не всегда она меняется в лучшую сторону, но вернуться в прошлое своей дисциплины невозможно, как и зайти в одну и ту же реку дважды. Геродот был гениальным автором, но воспроизводить его понимание Востока для характеристики греко-персидских войн, или копировать его методику этнографического описания народов Востока как «чужих», неэллинов, я бы не стал. Не могу я и следовать всем установкам академической ориенталистики колониальной эпохи, как бы высоко я ее ни ценил.

По этим причинам я не могу полностью принять ни одного из ответов, предложенных в первом вопросе. Я разделяю подход ревизионистской школы новой имперской истории. Поэтому Восток для меня ни историческая реальность, ни географическое понятие, ни риторическая конструкция. Не вижу я и смысла включать это понятие в разные метанарративы, которых чуждаюсь. Термин «Восток» принадлежит для меня к области, которую разработавшие ее немецкие историки предложили называть историей понятий (*Begriffsgeschichte*). Она касается истории идей, политической и общественной мысли, понятия которой не следует смешивать с историческими реалиями, которые они выражают [Koselleck, 2006]. Я немного занимался ею, в основном одиссеей правовой и культурной категории инородцев в контексте трансферов знания между Россией и другими колониальными империями [Бобровников, 2010, с. 182–209].

Кроме того, для меня колониальный Восток – составная часть одноименного дискурса, концептуально важная категория школы воображаемой географии (*imagined geography*) [Шенк, 2001, с. 42–61; ср.: Layton, 1986, p. 470–485], имеющая не вневременное географическое значение, а связанная с целым рядом стереотипов об отсталости, невежестве и опасности народов, населяющих эти территории, по сравнению с более цивилизованной европейской частью России и с Европой вообще. В этом отношении утверждение источников о принадлежности той или иной территории к Европе или Азии имело громадное значение для ее восприятия, а в случае колониального завоевания и для правового положения ее коренного населения. До известной степени школа воображаемой географии вышла из влиятельной концепции американского литературоведа палестинского происхождения Эдварда В. Саида. В книге «Ориентализм», впервые опубликованной в 1978 г., выдержавшей множество переизданий, в том числе два на русском языке [Саид, 2006; Саид, 2016], он обратил внимание на связь между наукой и властью, полагая, что в своих исследованиях европейская ориенталистика колониальной эпохи представляла Восток совершенно чужим миром и, тем самым, готовила и оправдывала установление господства Запада над восточными народами и культурами.

2. Насколько исторически неизбежна дихотомия «Восток-Запад»? Восток – «то, чего не могло не быть», а Запад – «то, что могло не случиться»?

Действительно, такая дихотомия определяет понимание Востока европейскими учеными и политиками колониальной эпохи. Эту общую особенность воображаемой

географии эпохи колониализма верно отметил Саид. В основе ориентализма как мировоззрения, по его мнению, лежат полное отделение Востока от Запада и приращение востоковедов представлять Восток на основе переведенных ими древних памятников на восточных языках [Саид, 2006, с. 313–315, 344–345]. Изобретенный и описанный ориенталистами Восток предстает антиподом Запада. Развитой, гуманной, демократичной и человеческой Европе противостоит единая дикая, жестокая, деспотичная и бесчеловечная Азия. В отличие от динамично развивающегося Запада до прихода европейцев Восток застрял в средневековье [Саид, 2006, с. 464–465]. Характерным визуальным образом его стали древние развалины на фоне современного убожества, пирамиды в Египте, античные арки и колонны в Северной Африке и на Ближнем Востоке, буддистские храмы в Индонезии, мавзолеи в Средней Азии, которые старательно фиксировала и тиражировала ориенталистская живопись, а позднее колониальная фотография. «Азиатцы» выступают в кривом зеркале ориентализма как материал для изучения востоковедов и преобразований колониальных политиков. Это существа без своей воли и истории [Саид, 2006, с. 452].

Но не стоит верить колониальным нарративам. Единый Восток, как и противостоящий ему монолитный Запад существовали только в воображении ориенталистов. На самом деле, мир колониальной эпохи был очень мозаичным. Понятие «Европа», послужившее антиподом для формирования колониальных стереотипов о «Востоке», также в действительности была очень разной. Типы заморских и континентальных, торговых колониальных империй различались: Низшие классы метрополий – крестьяне и фабричные рабочие – занимали в них место изгоев, близкое к низам колоний. Свидетельства отношения к ним элит сохранились как в законодательстве и документах, так в беллетристике и живописи XIX в. Достаточно почитать романы Чарльза Диккенса о трущобах Лондона, Эмиля Золя о французской деревне, посмотреть на черномазых крестьян в полутемной хижине из «Едоков картофеля» (1885) и других картин раннего Винсента Ван Гога. Не случайно, слова Карла Маркса, которые Саид поставил эпитетом к своей книге, – «они не могут представить себя, они могут лишь быть представлены», – были сказаны о французских крестьянах времен Второй империи. Подобная система резкого социального неравенства и культурных различий получила в литературе название внутреннего колониализма или колонизации [Weber, 1976]. Черты ее литературоведы и историки находят и в русской дореволюционной деревне [Там, внутри, 2012; Эткинд, 2013]. «Гуманные» европейцы и североамериканцы были одинаково бесчеловечны в отношении внутренних и внешних колонизованных, не считая за людей ни тех, не других: «заботясь» о бедняках, заключали их в рабочие и дисциплинарные дома, занимались работоторговлей, истребляли рабов на плантациях, скальпировали индейцев, сдавали в музеи головы немирных горцев и басмачей, выжигали и переселяли целые деревни и племена за пределами Европы, совершили массу прочих жестокостей.

Колониальная и полуколониальная периферия, получившая у ориенталистов название Востока, была в действительности не менее многообразной. На

Востоке были не только колонии, но и страны, сохранившие независимость, в том числе огромные империи вроде Китая. Некоторые из них провели широкие модернизационные реформы: Танзимат в Османской империи (1839–1876), Революцию Мэйдзи в Японии (1868–1889). Многие колонии имели запутанную структуру общества и власти, сложившуюся под влиянием как европейских, так и местных, в частности османских, образцов косвенного и прямого управления. Ориентализм, как показали исследования последних десятилетий, не всегда имел западноевропейский импульс, хотя и исходил из общих установок, заимствованных из Западной Европы. Например, в XIX в. появился своеобразный османский ориентализм, у которого был свой внутренний «Восток», послуживший объектом ориентализации. В роли отсталых и опасных восточных дикарей здесь выступали арабы-бедуины и иные этнические и религиозные меньшинства пограничных территорий [Makdisi, 2002, p. 768–796]. На бывших османских окраинах в Европе возник дискурс «инаковости» Балкан, который Мария Тодорова считает отличным, хотя и типологически близким к ориентализму «балканизмом» [Todorova, 1997; Тодорова, 2005, с. 344–359].

3. Насколько герметичны границы «Востока» и «Запада»? Возможны ли контактные зоны («не-Запад – не-Восток», «полу-Запад – полу-Восток») или анклав («Восток на Западе», «Запад на Востоке»)?

Границы Востока и Запада относятся к области воображаемой географии, в них нет ничего реального. Исследования последнего времени показывают, что в эпоху колониальной экспансии они были крайне мозаичны и подвижны. Географическая мысль европейских политиков и ученых, в том числе российских (включая ориенталистов, но не только их) часто менялась на протяжении XVIII–XX вв. Вслед за античными греками они продолжали делить Старый Свет на Европу (Запад) и Азию (Восток), включая во внешние границы последнего тюркоязычных кочевников степей, не представляющих интереса для ориенталистов как «нецивилизованные» народы без классической письменности и государственности. Вместе с тем, уже в эпоху Просвещения, заложившую основы ориентализма, Восточная Европа была переосмыслена как внутренний Восток Европы [Вульф, 2003]. Географы начали искать границы Европы, то помещая их вслед за В.Н. Татищевым и И. фон Штраленбургом по Уральскому хребту и Каспию, то отрицая деление Российской империи на европейскую метрополию и азиатскую колонию (Н.Я. Данилевский, В.И. Ламанский), то говоря о единой Евразии-России (П.Н. Савицкий и др.) [Бассин, 2005, с. 283–299].

Колониальный Восток включал в себя подвижные контактные зоны. Изучить их в районах континентальной колонизации, как не странно, помогает старая теория пограничья или фронта (frontier), предложенная Ф.Дж. Тёрнером [Тернер, 2009]. Только он понимал ее как некий каток прогресса, с которым по Американскому континенту распространялась цивилизация, а историки, занимающиеся

воображаемой географией, переосмыслили фронтир как периферийные контактные зоны взаимодействия и соперничества империй, народов и культур [White, 1991]. За последние два десятилетия сделано несколько интересных попыток приложить этот подход к окраинам Российской империи. Изучив отношения северокавказских казаков и горцев-мусульман, Томас Барретт показал, что их отношения определяла не война, а экономическое и культурное взаимодействие, принявшее после завоевания форму обынородчивания. Фронтир здесь был пронизаем, несмотря на строительство укрепленной Кавказской линии [Barrett, 1995, p. 578–601; Barrett, 1997, p. 227–248; Barrett, 1999]. Николас Брейфогль исследовал инкорпорацию сосланных империей русских сектантов в мусульманский фронтир восточного Закавказья [Breyfogle, 2005; Breyfogle, 2006, 234–269]. Виллард Сандерленд рассмотрел русскую колонизацию степных районов Западной Сибири и Казахской степи [Sunderland, 2004]. Чарльз Стейнведель проанализировал взаимодействие православной и мусульманской элит в органах местного самоуправления Уфимской губернии [Steinwedel, 1999; Стейнведель, 2005, с. 610–633]. Не идеализируя империю, эти исследования показывают, что нельзя описывать ее экспансию на Восток только в категориях сопротивления и противостояния, оно было менее однозначным.

Рукотворность, подвижность и неопределенность колониального фронта хорошо видны на картах и в географических описаниях Кавказа XVIII–XX вв. Границы региона смещаются из Поволжья на юг, к мусульманскому Востоку. Столица его часто переезжает: из Астрахани (до 1786), в Екатериноград (1786), оттуда в Георгиевск (1788), опять в Астрахань (1796), в Ставрополь (1822), затем надолго в Тифлис (1844–1917). Не раз меняется граница, которую ученые проводят через регион между Европой и Азией. М.В. Ломоносов и В.Н. Татищев включают не присоединенный к России Кавказ в состав Азии. В сочинениях и на картах XIX в. граница между материками чаще проводится через российские владения в регионе, отражая колониальный статус некоторых из них. Закавказье считается имперскими законодателями более цивилизованным и в 1840-е гг. сливается на картах с Россией, получив деление на губернии. Северный Кавказ в 1860-е гг. теряет статус внутренней границы империи, получая сложную колониальную администрацию в областях с косвенным управлением. Проследить историю ментального картографирования региона можно по прекрасному атласу, составленному в принципах воображаемой географии [Цуциев, 2006].

4. Какое место в «западных» (европейских) концепциях Востока занимала и занимает Россия?

Россия плохо вписывается в бинарные схемы ориентализма. Это связано с неопределенным положением страны на границах колониального Запада, а также геополитическими коллизиями «холодной войны» и даже более недавнего времени. Как научная дисциплина, история не знает условного наклона, она изучает только то, что произошло в действительности, в том числе и представления о прошлом.

Однако без успешного опыта модернизации при Петре Великом и внешнеполитических успехов Екатерины II, Россию ждало бы прочное место на ментальной карте Востока. Согласно популярной метафоре, восходящей к Пушкину, Петр прорубил для России «окно в Европу», вдвинув ее в число западных держав, организаторов, а не объектов колониальной экспансии. По менее известному широкой публике образному выражению американского историка Роберта Джераси [Джераси, 2013], после приобретения новых обширных территорий с мусульманским населением и признания ислама империя прорубила и окно на Восток в XIX в., создав богатую интеллектуальную традицию академической, миссионерской и военно-переводческой школ отечественного востоковедения, наследие которых все еще недостаточно изучено, как у нас в стране, так и за рубежом.

В воображаемой географии колониального Востока Россия выступает сразу в двух ипостасях. С одной стороны, она предстает объектом ориенталистского воображения, воплощая для европейцев худшие черты восточного деспотизма, рабства, дегенерации, угрозы для «свободного мира» Запада и, конечно, восточной экзотики. Корни такого видения уходят в описания иностранцев, побывавших на службе в Московском царстве. Примеров русофобского ориентализма XIX–XX вв. масса. Причем, в Российской империи и в СССР находились его отдельные сторонники, например, П.Я. Чаадаев и другие западники второй четверти XIX в., а совсем недавно – советские диссиденты-западники, большинство из которых эмигрировало на Запад. В это время в западной русистике господствовал ориентализм в форме советологии (Soviet studies), в том числе имела целая школа под руководством Александра Беннигсена, занимавшаяся российскими мусульманами и предупреждая Советскому Союзу скорую гибель от неофициального ислама, когда численность его последователей в республиках советского Востока перевесит количество этнических русских [Bennigsen, Broxup, 1983]. Прогнозы советологов не оправдались. С распадом СССР их школа прекратила существование. Но их методика переворачивания официозных источников и тоталитарная парадигма, противопоставляющая российское государство и общество, еще влиятельны [см. об этом: DeWeese, 2002, p. 298–330].

С другой стороны, Российская империя была одной из европейских колониальных держав со своим востоковедением мирового уровня, вклад которого в европейский ориентализм только начинает изучаться. Саид ограничился разбором сочинений французских, британских и американских ориенталистов. К тому же, его подход не был принят российскими и в целом постсоветскими востоковедами. Важными вехами на пути изучения этой проблемы стали английские сборники статей «Российский Восток: имперские окраины и народы, 1700–1917» [Russia's Orient, 1997] «Ориентализм и империя в России» [Orientalism and Empire, 2006]. Первый ознаменовал отказ западных русистов от ориенталистского нарратива советологов о России, во второй вошли материалы обсуждения в журнале «Критика» применимости концепции Саида к России, часть из которых была переведена на русский язык [Российская империя ... 2005]. Участники спора признали у ориентализма

«российскую душу», отметив сложные отношения ученых, изучавших российский Восток, с колониальной администрацией. Однако академическое востоковедение, составляющее главный предмет критики Саида, не было затронуто ими. В 2011 г. о нем написала блестящую книгу Вера Тольц, обнаружившая у петербургской школы В.Р. Розена не только общие родовые черты филологического ориентализма, по Саиду, но и серьезные различия с ним в области методики (скриптурализм) [Tolz, 2011; Тольц, 2013]. Советский вариант ориентализма анализируется в ряде публикаций немецкого исламоведа М. Кемпера [Kemper, 2009; The Heritage ... 2011; Reassessing Orientalism, 2015]. Но в изучении этой темы остается немало пробелов: школы миссионерского и военного востоковедения в Российской империи, вклад в их развитие «туземных» ученых.

5. Какие, по вашему мнению, концепции «Востока» («не-Запада»), изобретенные в XIX–XX вв., получили актуальное звучание на рубеже тысячелетий и почему?

В принципе, я уже ответил на этот вопрос и обосновал свое мнение, когда описывал видение первого вопроса. Суммируя мое мнение вкратце, я призываю ответственных историков полностью отказаться от восходящих к колониальной эпохе бинарных оппозиций и стереотипов – о мусульманском Востоке в первую очередь, не смешивать представления о воображаемом Востоке с реалиями колониальных обществ, больше внимания уделять новым областям и методикам исторического анализа, сложившимся в конце прошлого столетия. Я имею в виду, прежде всего, воображаемую географию, ориенталистский дискурс и историю понятий. Помочь развитию этих областей в России могут дальнейшие поиски в направлениях, разобранных мною выше. Я полагаю, что стоит вести их в первую очередь на материалах государственных и частных архивов в центрах бывших восточных окраин империи, пытаюсь «расслышать» в них голоса не только европейцев, но и сотрудничавших с ними мусульман, вовлеченных в изучение и управление колониальным Востоком. Последними я специально занимался в Дагестане и знаю, что за некоторыми исключениями они еще плохо изучены для проблем, поднятых в нашей дискуссии. При этом важно подняться над региональной перспективой, больше внимания уделять изучению связей между регионами Российской империи, объяснению сходства колониальной политики и науки о Востоке соперничавших европейских держав.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология* / Сост. П.В. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 277–309.

Бобровников В.О. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // *Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*: сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 182–209.

Бобровников В.О., Конев А.Ю. Свои «чужие»: инородцы и туземцы Российской империи // *Ориентализм vs. Ориенталистика* / сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: Садра, 2016. С. 167–206.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Джераси Р. *Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России*. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П.В. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М.: Новое издательство, 2005.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. 2-е изд. М.: Русский мир, 2016.

Стейнведел Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология* / сост. П.В. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 610–633.

Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России / Сост. И. Кукулин, Д. Уффельман, А. Эткинд. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир, 2009.

Тодорова М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология* / Сост. П.В. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 344–359.

Тольц В. Собственный Восток России: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006.

Шенк Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней. Обзор литературы // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 52. С. 42–61.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Barrett T.M. Lines of Uncertainty: The Frontiers of the North Caucasus // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 3. P. 578–601.

- Barrett T.M. *Crossing Boundaries: The Trading Frontiers of the Terek Cossaks // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / Ed. by Daniel R. Brower, Edward J. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 227–248.
- Barrett T.M. *At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860*. Boulder, CO: Westview Press, 1999.
- Bennigsen A., Broxup M. *The Islamic Threat to the Soviet State*. N.Y.: St. Martin's Press, 1983.
- Breyfogle N.B. *Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus*. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Breyfogle N.B. Russian Sectarrians in the Caucasian Theater of War, 1853–56 and 1877–78 // *Orientalism and Empire in Russia* / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin. Bloomington: Slavica, 2006. P. 234–269.
- DeWeese D. Islam and the Legacy of Sovietology: A Review Essay on Yaacov Ro'i's Islam in the Soviet Union // *Journal of Islamic Studies*. 2002. Vol. 13. No. 3. P. 298–330.
- Fasseur C. Cornerstone and Stumbling Block. Racial Classification and the Late Colonial State in Indonesia // *The Late Colonial State in Indonesia/ Political and Economic Foundations of the Netherlands Indies, 1880–1942* / Ed. by R. Gribb. Leiden: KITVL Press, 1994. P. 31–56.
- The Heritage of Soviet Oriental Studies* / Ed. by M. Kemper, S. Conermann. L.; N.Y.: Routledge, 2011.
- Kemper M. *Studying Islam in the Soviet Union*. Oratiereeks. Amsterdam: Vossiuspers UvA, 2009.
- Koselleck R. *Begriffsgeschichten*. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. *Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006*.
- Layton S. *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Layton S. The Creation of an Imaginative Caucasian Geography // *Slavic Review*. 1986. Vol. 45. № 3. P. 470–485.
- Makdisi U. Ottoman Orientalism // *American Historical Review*. 2002. Vol. 107. No. 3. P. 768–796.
- Orientalism and Empire in Russia* / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin. Bloomington: Slavica, 2006.
- Reassessing Orientalism: Interlocking Orientologies During the Cold War* / Ed. by M. Kemper, A.M. Kalinovsky. L.; N.Y.: Routledge, 2015.
- Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / Ed. by Daniel R. Brower, Edward J. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 1997.
- Steinwedel C. *Invisible Threads of Empire: State, Religion, and Ethnicity in Tsarist Bashkiriia, 1773–1917*. Ph.D. dissertation. New York: Columbia University, 1999.
- Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2004.

- Todorova M. *Imagining the Balkans*. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Tolz V. *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2011.
- Weber E. *Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1976.
- White R. *The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lake Region, 1650–1815*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

REFERENCES

- Barrett T.M. Lines of Uncertainty: The Frontiers of the North Caucasus, in: *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 3. P. 578–601.
- Barrett T.M. Crossing Boundaries: The Trading Frontiers of the Terek Cossaks, in: *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / Ed. by Daniel R. Brower, Edward J. Lazzarini. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 227–248.
- Barrett T.M. *At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860*. Boulder, CO: Westview Press, 1999.
- Bassin M. Rossiia mezhdru Evropoi i Aziei: Ideologicheskoe konstruirovanie geograficheskogo prostranstva [Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space], in: *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Imperial Russia in Foreign Historiography. Recent Works: the Anthology], ed. by P.W. Werth, P. Kabytov, A. Miller. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. P. 277–309 (in Russian).
- Bennigsen A., Broxup M. *The Islamic Threat to the Soviet State*. N.Y.: St. Martin's Press, 1983.
- Bobrovnikov V.O. Russkii Kavkaz i frantsuzskii Alzhir: sluchainoe skhodstvo ili obmen opytom kolonial'nogo stroitel'stva? [Russian Caucasus and French Algeria: a Random Similarity or Exchange of Experience in Colonial Building?], in: *Imperium inter pares. Rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares. The Role of Transfers in the History of the Russian Empire (1700–1917)], ed. by M. Aust, R. Vulpius, A. Miller. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. P. 182–209 (in Russian).
- Bobrovnikov V.O., Konev A.Yu. Svoi "chuzhie": inorodtsy i tuzemtsy Rossiiskoi imperii [Imperial Russia's Own "Others": Aliens and Natives], in: *Orientalism vs. Orientalistika* [Orientalism vs. Oriental Studies], ed. by V.O. Bobrovnikov, S.J. Miri. Moscow: Sadra, 2016. P. 167–206 (in Russian).
- Breyfogle N.B. *Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus*. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Breyfogle N.B. *Russian Sectarians in the Caucasian Theater of War, 1853–56 and 1877–78*, in: *Orientalism and Empire in Russia* / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin. Bloomington: Slavica, 2006. P. 234–269.

- DeWeese D. Islam and the Legacy of Sovietology: A Review Essay on Yaacov Ro'i's Islam in the Soviet Union, in: *Journal of Islamic Studies*. 2002. Vol. 13. No. 3. P. 298–330.
- Etkind A. *Vnutrenniaia kolonizatsiia. Imperskii opyt Rossii* [Internal Colonization. Russia's Imperial Experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013 (in Russian).
- Fasseur C. Cornerstone and Stumbling Block. Racial Classification and the Late Colonial State in Indonesia, in: *The Late Colonial State in Indonesia / Political and Economic Foundations of the Netherlands Indies, 1880–1942* / Ed. by R. Gribb. Leiden: KITVL Press, 1994. P. 31–56.
- Geraci R. *Okno na Vostok: imperiia, orientalizm, natsiia i religiiia v Rossii* [Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013 (in Russian).
- The Heritage of Soviet Oriental Studies / Ed. by M. Kemper, S. Conermann. L.; N.Y.: Routledge, 2011.
- Kemper M. *Studying Islam in the Soviet Union*. Oratiereeks. Amsterdam: Vossiuspers UvA, 2009.
- Koselleck R. *Begriffsgeschichten*. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006 (in German).
- Layton S. *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Layton S. The Creation of an Imaginative Caucasian Geography, in: *Slavic Review*. 1986. Vol. 45. № 3. P. 470–485.
- Makdisi U. Ottoman Orientalism, in: *American Historical Review*. 2002. Vol. 107. No. 3. P. 768–796.
- Orientalism and Empire in Russia / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin. Bloomington: Slavica, 2006.
- Reassessing Orientalism: Interlocking Orientologies During the Cold War / Ed. by M. Kemper, A.M. Kalinovsky. L.; N.Y.: Routledge, 2015.
- Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiiia [Imperial Russia in Foreign Historiography. Recent Works: the Anthology], ed. by P.W. Werth, P. Kabytov, A. Miller. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005 (in Russian).
- Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / Ed. by Daniel R. Brower, Edward J. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 1997.
- Said E. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Representations of the Orient]. Moscow: Russkii mir, 2006 (in Russian).
- Said E. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Representations of the Orient]. 2nd ed. Moscow: Russkii mir, 2016 (in Russian).
- Schenk B. Mental'nye karty: konstruirovaniie geograficheskogo prostranstva v Evrope ot epokhi Prosveshcheniia do nashikh dnei. Obzor literatury [Mental Mapping: the Construction of Geographical Space in Europe from the Enlightenment to Nowadays. A Featured Review], in: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2001. No. 52. P. 42–61 (in Russian).

- Steinwedel C. *Invisible Threads of Empire: State, Religion, and Ethnicity in Tsarist Bashkiriia, 1773–1917*. Ph.D. dissertation. New York: Columbia University, 1999.
- Steinwedel C. Sozdanie sotsial'nykh grup i opredelenie sotsial'nogo statusa individuuma: identifikatsiia po sosloviu, veroispovedaniiu i natsional'nosti v kontse imperskogo perioda v Rossii [Making Social Groups, One Person at a Time: The Identification of Individuals by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia], in: *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiiia* [Imperial Russia in Foreign Historiography. Recent Works: the Anthology], ed. by P.W. Werth, P. Kabytov, A. Miller. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. P. 610–633 (in Russian).
- Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2004.
- Tam, vnutri: praktiki vnutrennei kolonizatsii v kul'turnoi istorii Rossii [There, Inside: the Practice of Internal Colonization in the Cultural History of Russia], ed. by I. Kukulin, D. Uffelmann, A. Etkind. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012 (in Russian).
- Todorova M. *Imagining the Balkans*. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Todorova M. Est' li russkaia dusha u russkogo orientalizma? Dopolnenie k sporu Nataniela Knighta i Adeeba Khalida [Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid], in: *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiiia* [Imperial Russia in Foreign Historiography. Recent Works: the Anthology], ed. by P.W. Werth, P. Kabytov, A. Miller. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. P. 344–359 (in Russian).
- Tolz V. *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2011.
- Tolz V. *Substvennyi Vostok Rossii: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period* [Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013 (in Russian).
- Tsutsiev A.A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of the Caucasus Ethnic Political History (1774–2004)]. Moscow: Europa, 2006 (in Russian).
- Turner F.J. *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in the American History]. Moscow: Ves' mir, 2009 (in Russian).
- Weber E. *Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1976.
- White R. *The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lake Region, 1650–1815*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Wolff L. *Izobretaia Vostochnuiu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosvescheniia* [Inventing Eastern Europe: the Map of Civilization on the Mind of Enlightenment]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003 (in Russian).

Историческое осмысление «Востока» и «Запада» в догматической, критической и символической парадигмах

А.Н. Ерыгин

«East» and «West» Historical Comprehension in Dogmatic, Critical and Symbolic Paradigms

A.N. Erygin

1. «Восток» и «Запад» – метафоры, теоретические модели или историческая реальность?

Существо моего краткого (закодированного) ответа на предложенные вопросы к дискуссии выражено в названии тезисов. Поясню сказанное. Я принимаю к рассмотрению всерьез как методологическую и теоретическую проблему *вопрос о «Востоке» и «Западе»* – и в их соотношенности друг с другом (этой проблеме я отдал более полувека в своей работе), и в их отдельности (и «востоковедение», и «европеистика» вполне могут существовать независимо друг от друга). Вместе с тем, имея в виду прямой вопрос об исторической реальности Востока и Запада как явлений, отмечу, что я стремлюсь вести подобное историческое рассмотрение в сугубо мыслительной сфере – в области исторического самосознания, познания и постижения истории. Для меня поэтому «Восток» и «Запад» являются предметом изучения и осмысления как явления в *мысли об истории*. И, наконец, я отправляюсь в таком их изучении и осмыслении от критицизма И. Канта, исторического критицизма своего философского учителя М.К. Петрова, от метаисторической установки Х. Уайта в анализе основных типов исторического воображения (с дополнением его тропологии трактовкой символизма у А.Ф. Лосева). Отсюда мой ориентир на понимание самой мысли о Востоке и Западе в рамках *догматического* (метафора, метонимия и синекдоха), *критического* (ирония) и *символического* исторического воображения и мышления.

Ерыгин Александр Николаевич, доктор философских наук, профессор Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, qwe1947@yandex.ru.

Erygin Alexander N., Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia, qwe1947@yandex.ru.

Для примера, использование обозначений «Востока» и «Запада» в аппарате «Метаистории» Х. Уайта выглядит следующим образом. Так, анализируя образы всемирной истории у Гегеля, он, характеризует Китай как «теократический деспотизм», действующий по типу *метафорической* идентификации политического субъекта с сувереном, Индию – как «аристократизм» с кастами, действующий по *метонимической* логике «причинно обусловленного обособления», Персию – как возвращение разнообразия к единству на основе *синекдохического* представления о духовной природе всего сущего, Египет и Грецию (с их выходом на загадку Сфинкса и разгадку ее) – как *ироническое* проникновение в «глубокую боль и тревогу от разрыва материи и духа». Две стороны иронизма знаменуют при этом и *завершение* культурного цикла, представленного Востоком, и *начало* нового цикла, в котором деспоту противостоит человек. Этот греческий позитивный иронизм-критицизм (вместе со всей античной культурной традицией – как древний Запад, противостоящий Востоку), с учетом названной выше поправки, внесенной мною в понимание метаисторической схемы, может быть дополнен *символической формой*, которую представляет христианство (у Гегеля – христианско-германский мир).

С другой стороны, когда О. Шпенглер и К. Ясперс предложили свои новаторские варианты философии истории, оказалось, что *можно обойтись без дихотомии «Восток-Запад»*, по крайней мере, без выпячивания ее и соответствующих понятий в центре теоретических построений, как это было в предыдущем столетии. Но и у них, в противовес новым ключевым понятиям постижения истории, *присутствие* Востока и Запада сохранилось, хотя остается вопрос: по инерции, в остаточном амплуа, по теоретическому недосмотру? И, конечно же, в конкретно-исторических исследованиях истории стран Востока и Запада (как ни представлять себе эти явления) ни названная дихотомия, ни даже оба ее элемента не представляют собою ни понятий, ни метафор, ни базовых конструкций метаисторической методологии.

2. Насколько исторически неизбежна дихотомия «Восток-Запад»? Восток – «то, чего не могло не быть», а Запад – «то, что могло не случиться»?

Здесь, по сути, два важных, но разных вопроса. Во-первых, вопрос о самой *дихотомии* «Восток-Запад». Образ Востока в сознании европейцев – заманчивый, притягивающий к себе и одновременно чужой. Восток то непомерно восхваляется (как Китай «просветителями» XVIII в.), то всячески порицается (вспомним ставшее штампом представление о невероятной косности, о рабстве и «неисторичности» Востока). В специальных теориях истории, созданных европейскими философами, культурологами, политологами, а также учеными-историками, Восток, как правило, воспринимался в *соотнесении* с Западом, так что теоретическое осмысление, осознание его специфики и своеобразия на европейском фоне являлось одновременно и определенной формой собственного европейского самосознания. Этим путем и возникли понятия «Востока» и «Запада», которыми мы до сих пор – критически или догматически, осознанно или неосознанно – пользуемся.

Во-вторых, это вопрос об *исторической неизбежности*, в контексте которого должно высказаться о Востоке и Западе, или раздельно, или в связке друг с другом, т.е. об исторической неизбежности дихотомии как таковой. Но вместе с тем – как видно из поясняющего подвопроса – Восток и Запад *заранее* разводятся по критерию неизбежности. Тема исторического детерминизма, таким образом, вводится с допущением веера возможностей. И все же здесь есть опасность или даже ловушка в связи с использованием установки на «историческую неизбежность» происходящего.

Так, у Гегеля мы имеем *историческую триаду*, в которой представлены не только Восток и Запад, но и Христианство, а фактически шесть цивилизаций-культур (Китай-Индия-Персия-Греция-Рим-Германский мир), «повязанных» «круговой» диалектической связью мирового процесса истории, в которой, однако, дихотомия «Восток-Запад» – необходимое условие этой спекулятивной исторической целостности. Детерминизм у Маркса – материалистический: за предысторией следуют «почти гегелевские» азиатский, античный, феодальный и буржуазный «способы производства» как специфические, но необходимые формы-ступени формирования «экономической формации общества». Напротив, в христианской философии истории (например, по прот. В.В. Зеньковскому) вообще нет исторического детерминизма, она целиком базируется на учении о спасении человека (и человечества) через искупительный подвиг Спасителя, так что сама история – не место для вызревания закономерностей развития, а путь, на котором идет (реализуется) общий сценарий Спасения.

Любопытно, что в некоторых трактовках истории, вышедших из марксизма (например, в *миграционной* исторической теории М.К. Петрова) никаких особых «законных» предопределений в истории нет: живут народы, общества и государства, конечно же, не анархически стихийно (хотя и этого в истории хватает), но без исторической неизбежности перехода от Востока к Западу (по Петрову, – от «нормальных», *традиционных*, в основе своей «олимпийских» цивилизаций к явной *европейской* «аномалии»), как и становления в этой «европейской» линии культурно-исторического развития *общества с наукой*, а затем и современного «онаученного общества».

Нетрудно, однако, заметить, что есть большая разница – даже в рамках строгих философско-исторических ориентаций, сохраняющих сторону свободы в истории как в отношении личностной человеческой субъектности, так и в итоговых конфигурациях социально-культурных, политических и религиозных сообществ людей – между миром «восточной» традиционности и неожиданно выросшим на ее глазах за два с половиной тысячелетия «европейским» миром. Ее, эту разницу, можно оценивать с противоположных сторон (как традиционалист Р. Генон и модернист М.К. Петров), но не видеть ее нельзя.

3. Насколько герметичны границы «Востока» и «Запада»? Возможны ли контактные зоны («не-Запад – не-Восток», «полу-Запад – полу-Восток») или анклавов («Восток на Западе», «Запад на Востоке»)?

О герметичности культур в строгом смысле слова (их закрытости и непроницаемости друг для друга) говорится редко. В метафорически-формистском историческом воображении, апеллирующем к высшим и самостоятельным идеям и формам, их герметизм резко противостоит проницаемости и открытости любых обыденных или устойчивых явлений (таковы, по Пепперу, «идеи» Платона в их трансцендентности от всего, что только является, кажется и т.п.). Это – предельные формы. Замкнутые культуры Шпенглера примерно таковы по своей сути. Но это не Восток и не Запад. Гегелевские «Китай», «Индия» и «Персия», представляющие его «Восток», – уже не таковы. Если Китай стабилен и почти герметичен в своей субстанциальности как таковой, то Индия – только в разделенности-атомарности (как россыпь «субстанций-монад»); и только Персия у Гегеля выпадает из неисторичности двух первых форм, но как раз здесь герметичность и становится невозможной.

Итак, о герметичности границ «Востока» и «Запада» можно говорить лишь условно, на очень высоком уровне абстрагирования в мысли от исторической реальности (например, при использовании метафизически-логической оппозиции Гегеля «субстанция-субъект») или весьма метафорическим образом в духе Н.А. Бердяева, онтологически-исторически принимающего факт дихотомии Востока и Запада как культурно-исторических крайностей – с Азией и Европой ли (до первой мировой войны), или с Китаем и Америкой – для XX века). Другой вариант, но уже «неравно-весных» (я бы сказал-уточнил: «догматического» и «иронического») Востока и Запада – в традиционалистской концепции Р. Генона, для которого первый принципиально герметичен.

Это, однако, не исключает в конкретно-исторических исследованиях поиска всяческих «контактных зон» («не-Запад – не-Восток», «полу-Запад – полу-Восток») или анклавов («Восток на Западе», «Запад на Востоке»). Один из крупных примеров, образ исторической России, «колеблющейся» между Азией и Европой в концепции Г.В. Плеханова (в «Истории русской общественной мысли»).

4. Какое место в «западных» (европейских) концепциях Востока занимала и занимает Россия?

Отвечая на этот вопрос, хочу обратить внимание на вторую ступень в мысли о Западе и Востоке, связанную с *Россией и ее философией истории*. Ситуация, организованная здесь рецепцией идей «Философии истории» Гегеля (ключевого произведения на первой ступени), придает вопросу: какое место занимает Россия в понятийной парадигме «Восток-Запад»? – совершенно новый смысл, так что рождается новая проблема и новая (триадическая, как и у Гегеля) парадигма: «Восток-Запад-Россия».

Если в классических европейских концепциях (Гегель, Маркс) Россия мыслилась в ее «восточной» специфике, то в русском самосознании, начиная с П.Я. Чаадаева и философско-исторического сора западников и славянофилов вводится более сложная схема, в которой Россия мыслится либо самостоятельной и самобытной, либо в контексте западной (европейской) цивилизационной традиции. В парадигмальном плане историческое мышление в России избегает, как правило, критицистских моделей. В нем превалируют или догматические тропы, или, чаще всего, символическое воображение.

Мысль-метафору ярче всего представляет в своей теории культурно-исторических типов (с абсолютизацией России или «славянского типа») предшественник «формиста» О. Шпенглера Н.Я. Данилевский. Мысль-метонимия об истории и «цивилизациях» (любопытнейшая параллель историческим построениям почвенника Данилевского в западнической интерпретации) радикально выражена в «Наблюдениях над исторической жизнью народов» С.М. Соловьева. Философско-историческая синекдоха, максимально близкая гегелевской, пронизывает собою органически-диалектические построения Б.Н. Чичерина. Факт России в мировой истории, однако, не доведен в этих теориях до полновесного выражения и новая понятийная парадигма «Восток-Запад-Россия» только подготавливается.

Решая возникающую проблему в *символическом* направлении, Вл. Соловьев отталкивается от идеи развития и необходимости ее тройственного расчленения (идея «трех сил» во всемирной истории). В его схеме «символом» Востока в духовной жизни является «бесчеловечный Бог», а символом западной цивилизации – «безбожный человек». Это – явная антиномия. И разрешается она на третьей исторической (и одновременно – сверхисторической) ступени, когда утвердится истинное христианство. Субъектом-носителем истинной символической идеи становится Россия, «свободная» от двух великих начал, Запада и Востока. Впоследствии, правда, Соловьев отказывается от «русской» трактовки сути третьей ступени-синтеза). Однако, от Чаадаева и особенно после Соловьева русская мысль остается в рамках этой триады, сменившей дихотомию Востока и Запада в ее чистом виде, но также отвергнувшей не только «германскую», «византийскую» и «русскую» «прописку» христианской идеи.

5. Какие, по вашему мнению, концепции «Востока» («не-Запада»), изобретенные в XIX–XX вв., получили актуальное звучание на рубеже тысячелетий и почему?

Самой оригинальной, на мой взгляд, является концепция тройного социокультурного (лично-именного, профессионально-именного и универсально-понятийного) способа исторического существования и развития (М.К. Петров), в рамках которой в 1959–1986 гг. было осуществлено историко-когнитологическое исследование феномена «европейского способа мысли». Путь к нему в мысли, но не историческую последовательность ступеней, он начинает уже в 1959 г. в работе, посвященной проблеме детерминизма в греческой философской классике. Было установлено,

что при переходе от собирательства к охоте и оформлению второй сигнальной системы общение людей принимает характер *лично-адресного* общения, требующего в качестве условия осуществимости использование *языка и именной матрицы* (мышление этих людей представлялось по Леви-Брюлю: как «дологическое» в своей основе).

Углубляя в 1966 г. характеристику «первобытного мышления» как способа сопричастия индивидов с их ситуативными навыками через личное имя в целостную матрицу, Петров, предложив идею социокода культуры, показывает кроме лично-именного способа социального кодирования в знание и деятельность второй тип – профессионально-именной. В условиях земледелия и ремесла, с ростом социальных общностей до структур обществ-цивилизаций – считает Петров – именная матрица в оформлении знания и мировоззрения сохраняется. Однако, вместо *личных собственных имен* первичного коллектива теперь в общесоциальном плане на сцену выходят *божественные имена* соответствующего религиозного пантеона и связанные с ними тексты-мифы, содержащие образцы всех видов деятельности в данном обществе. *Петров любил приводить аналогию между этой формой социальной памяти и массивом публикаций в «архиве науки». Соответственно, и «традиционное» (или, как говорят обычно, мифологическое) мышление, разумеется, в исходных его основах, обеспечивающих преемственность социальности, напоминает работу в специализированных дисциплинарных рамках современной науки. Но ключевую роль здесь играет трансляция, а не обновление знания.*

Третью историческую социально-когнитивную форму – сначала в виде греческой философии, а затем теологии и науки – М.К. Петров обозначил как «европейский способ мысли». В смысловом плане он понимал ее не содержательно, а динамически – как универсально-понятийный *способ мысли*, оперирующий не различениями именной матрицы, а категориями, вырастающими из соответствующего потенциала языка (и логическими правилами – вместо элементарной генетической модели в мифологическом мышлении). Третья форма – плод гигантского переворота в способе мысли под мощным воздействием краха традиционной Крито-Микенской культуры и появления на переходе к эллинской классике уникальной фигуры «человека-государства».

Вместо Запада: поиски Россией себя в эпоху модерна и после...

В.И. Колесов

Instead of Occident: Russia's Quest for in the Era of Modernity and Later on...

V.I. Kolesov

1. «Восток» и «Запад» – метафоры, теоретические модели или историческая реальность?

До сих пор помню уроки географии в советской средней школе, и то недоумение, вызванное учительским объяснением, что граница между Европой и Азией пролегает по Кавказскому хребту, Уральским горам, и Каспию, ставших водо- и гороразделительными линиями двух континентов. И, таким образом, мы, жители Краснодарского края живем на самой границе двух континентов, почти что в Азии. Как – мы в Азии?? Азия же далеко! Почему границы между Европой и Азией именно таковы? Кто их определил? Позже заинтересовавшись этой проблемой, прочел целую дискуссию по вопросу этой границы [Мурзаев, 1963, с. 111–112; Чивилев, Богданов, 2011, с. 95–105], дискуссию, проанализировавшую последовательное во времени перемещение границы европейского континента с запада на восток. Эта континентальная «мобильность» демонстрирует конструирование таких понятий как «Европа», и «Азия», хотя эту дихотомию в разные годы пытались снять декларацией единства евразийского континента. Но, нет, ментальные карты, политическая ангажированность, артикулирующиеся в географии, политике, наконец, в спорте (например, Казахстан, Турция и Израиль входят в Союз европейских футбольных ассоциаций), дифференцируют территории, население и т.д. на европейское и не-европейское.

Колесов Владимир Игоревич, заведующий отделом истории и этнографии Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына, 350000, г. Краснодар, ул. Гимназическая, д. 67, kolesov_v@yahoo.co.uk.

Kolesov Vladimir I., Head of Historical and Archeological Division, E.D. Felitsyn's Krasnodar State Historical and Archeological Museum, 67, Gimnazicheskaya St., Krasnodar, 350000, Russia, kolesov_v@yahoo.co.uk.

Глубину подобной противоположности и подобных противопоставлений прекрасно продемонстрировал в своей классической работе Эдвард Саид, породивший деконструктивистскую парадигму в современном востоковедении. Европа «создала» себя, свою культуру, цивилизацию и идентичность через конструирование «своего» Востока, менявшегося на протяжении веков. Восток как Другой, как Чужой, в конце концов, как зеркало, суррогатное и тайное «Я» был необходим Европе-Западу [Саид, 2006, с. 8–11]. И в этом смысле, Восток, конечно, и метафора, и теоретическая модель, но, главное, и дискурсивная практика, практика продуцирования «Востока» различными способами столетиями после эпохи Просвещения. Конечно, как нечто постоянно продуцирующееся, Восток в течение некоторого промежутка времени оформился как «историческая реальность», реальность, которая была создана и функционировала – политически, социологически, культурологически и т. д.

2. Насколько исторически неизбежна дихотомия «Восток-Запад»? Восток – «то, чего не могло не быть», а Запад – «то, что могло не случиться»?

Определение Востока распространялось на всякое чужое, непривычное культурное явление. Так, Ларри Вульф, рассматривая процесс картографического выделения, культурологической локализации («изобретения», как он сам назвал) Восточной Европы, подчеркивал бытовавшую неустойчивость, например, в среде французских географов, колебавшихся в начале XX в. между вроде идентичными, но глубоко различными семантически, терминами – «Восточная Европа» и «европейский Восток» [Вульф, 2003, с. 38]. В Европе есть свой «чужой» Восток, в разных уголках Востока найдется свой «дикий» Запад.

Внутренний Восток Европы укрепился, конституировался в эпоху функционирования социалистического блока после Второй Мировой войны (Совет экономической взаимопомощи, Варшавский договор), кристаллизовав «чуждость» для остальных европейцев, приобретших с созданием Евросоюза еще одну идентичность. В данном контексте для анализа оппозиции «Восток–Запад», нам важно, что Евросоюз интерпретировал расширение на Восток метафорически как объединение Европы, в то же время отечественные исследователи обуславливают проблемы во взаимоотношениях старых и новых членов Евросоюза через призму глубоких ценностных и иных отличий, заложенных, в том числе и социалистическим прошлым стран. Можно говорить о появлении примерно в одно время двух новых наднациональных идентичностей – европейской (1970–1990 гг.) и советской (1950–1980 гг.), которые и сейчас сталкиваются, несмотря на то, что советского блока не существует уже более 25 лет.

Идентичность строится по принципу противопоставления «мы» – «они», что позволяет конституировать свою особость, самость. В европейской истории таким Другим стал «Восток», но могли возникнуть и другие дихотомии, например, «Север» и «Юг», как в американском случае.

3. Насколько герметичны границы «Востока» и «Запада»? Возможны ли контактные зоны («не-Запад – не-Восток», «полу-Запад – полу-Восток») или анклав («Восток» на Западе, «Запад на Востоке»)?

Вопрос о герметичности границы Востока и Запада не представляется корректным, в силу утверждения искусственности этой ментально сконструированной границы. Веками Европа, начиная с античности, сталкивалась с «восточной» угрозой: варвары, германцы, гунны, арабы, сельджуки, монголы, турки... «Границы» между восточным и западным «мирами» постоянно видоизменялись: в начале «новой» христианской эры «Восток» перманентно наступал, отвоевывая у Запада пространства и территории, Запад периодически имел отдельные локальные успехи в этом противостоянии. Ситуация изменилась в колониальную эпоху, когда капиталистический Запад начал восточную экспансию, идеологически обоснованную цивилизационной миссией просвещения «варварского» и «дикого» Востока. Европейская мир-экономика с постоянно меняющимися центрами (испанским, голландским, английским, позднее – США) превратило Восток (и не только его) в свою периферию, тем самым включив интенсивные процессы капитало-, и товарооборота [Валлерстайн, 2016a; Валлерстайн, 2016b; Валлерстайн, 2016c]. Деколониализация, освободившая Восток в XX в., породила новые государственные образования, зачастую с искусственными границами, но с колониальным прошлым. События «арабской весны» начала нового тысячелетия катализировали новое «переселение народов»: миграционные процессы из Северной Африки и Ближнего Востока в Европу, актуализировавшие дискурс «столкновения цивилизаций».

В то же время «западный мир» в христианскую эпоху постоянно продуцировал своих внутренних Других, чужих культурно, лингвистически, конфессионально: надеялся негативными (зачастую, «восточными») качествами, боялся и угнетал евреев, цыган, альбигойцев, гугенотов и т.д.

4. Какое место в «западных» (европейских) концепциях Востока занимала и занимает Россия?

«Прорубив окно в Европу», и превратив Московию в империю, русский царь Петр I недвусмысленно заявил о европейских притязаниях места России на карте Европы, сделал «шаг навстречу» из азиатской Тартарии к просвещенному Западу. И мы видим из переписки Екатерины II с Вольтером, что Санкт-Петербург признавался европейским городом, а устремления Екатерины – просвещенными, цивилизованными, «правильными», «западными». Вольтер написал историю Петра Великого, легитимируя его вклад и роль в европейской истории [Вульф, 2003, с. 295–314].

В то же время Россия смогла стать только европейской периферией, или Востоком для Запада, отождествляясь как некий «мостик» между Европой и Азией, таким образом, сочетая в себе черты и восточные, и западные. Такая географическая, политическая и в чем-то культурная «срединность» способствовала выработке в XIX в.

концепции «особого» пути, особой роли России. Перипетии процесса колебаний от националистической парадигмы к дихотомической, и обратно, прекрасно проанализировал Марк Бассин, сфокусировавшийся на евразийстве, как новой идее, даже – новой ипостаси России [Бассин, 2005, с. 287–299].

«Западническая» и «восточническая» позиции по отношению к азиатским владениям России и к Азии, в принципе, влияли через географию, историю и этнографию на политические процессы в Российской империи, постоянно сталкиваясь между собой.

Будучи включенной, начиная со времен Петра, в европейские политические, культурные, генеалогические процессы, выстроив проевропейские органы управления империей, Россия, колонизируя новые земли Сибири, Кавказа, Центральной Азии и Дальнего Востока стала применять к этим территориям европейский дискурс о Востоке, таким образом, формируя **свой** «дикий» Восток. Новые подданные русских императоров приобрели не только статусы инородцев (не-русского, не-православного населения), не только характеризовались как туземцы (то есть, живущие на «чужой», «не нашей», на «той» земле), но и как «азиатцы» (хитрые, коварные, вероломные), зачастую с нечеловеческими коннотациями – «хищники». Противоположный взгляд воспевал, например, кавказского горца, в контексте модели «благородного дикаря», «благородного», но все же – «дикаря»!

Задача российского государства, согласно «западнической» позиции по отношению к этим новым подданным была не столько поработить, сколько цивилизовать, прививать высокую культуру, по возможности, христианизировать. Романтизм освоения новых земель сочетался с явлением, метко названным Д. Схиммельпенником Ван дер Ойе «конквистадорским империализмом». Противоположный подход – «восточничество» предлагал невоенное, не агрессивное, и даже не-покорение Востока, а своеобразное срастание с ним, втягивание, соединение с «братьями по крови, по традициям и взглядам» [Схиммельпенник Ван дер Ойе, 2009]. Эти позиции маркировали характерные для российского общества второй половины XIX в. черты амбивалентности, двойственности, выразившиеся в резкой смене политических векторов, где «от любви до ненависти один шаг».

5. Какие, по вашему мнению, концепции «Востока» («не-Запада»), изобретенные в XIX–XX вв., получили актуальное звучание на рубеже тысячелетий и почему?

Концепция «особого» пути, зародившаяся в XIX в. благодаря почвенникам и панславистам, и во многом обусловленная критическим отношением к Западу Н.Я. Данилевского и иже с ним, продолжала функционировать в различных обликах (например, социализм в отдельно взятой стране) на протяжении всего XX в. и в начале этого столетия. Негативные коннотации и эпитеты, порожденные Данилевским, в различных вариациях и степенях интенсивности артикулировались на протяжении последних 120 лет.

Советская национальная политика коренизации видоизменив, продолжила осуществлять «цивилизаторскую» модель, только теперь в новом контексте преодоления отсталости – освобождения от колониального, имперского, капиталистического гнета на пути к просвещению и благоденствию (в данном случае, к социализму). При этом «отсталые» меньшинства по традиции дифференцировались на «западные и «восточные», и созданием Коммунистических университетов народов Запада и, соответственно, народов Востока, конституировалась и закреплялась культурная разница между двумя этими искусственными совокупностями. Латинизация младо-, и новописьменных языков должна была нивелировать культурные различия и маркировала консолидацию всех этнических групп и меньшинств, но изменение вектора развития, окукливание режима, поворот от пролетарского интернационализма к великорусскому шовинизму привели опять к «особому» пути уже без евразийства.

Новое звучание дискурс «особого пути» приобрел при создании международной организации BRICS и ШОС (Шанхайской организации сотрудничества). Россия продолжает выступать, с одной стороны, мостиком между Западом и Востоком, а с другой – «особость пути» подчеркивается созданием новых геополитических векторов, в которых реализуется новая модерность – без Запада, «загнившего», «разложившегося», без моральных устоев и т.д. Такая новая модерность без модернизации – своеобразный откат в средневековье, в эпоху до Модерна. При этом мир-система остается прежней, европоцентричной, и в ее рамках идеологические претензии Москвы на роль «четвертого» Рима являются периферийными.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология.* Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 277–310.

Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Предисл. Г.М. Дерлугьяна, пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко, А. Черняева. М., 2016. 552 с.

Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. / Пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко. М. 2016. 528 с.

Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы / Пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко. М. 2016. 528 с.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер.с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.

Мурзаев Э.М. Где же проводить географическую границу Европы и Азии? // *Известия АН СССР. Серия географическая.* М.: Наука. 1963. № 4. С. 111–119.

Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер.с англ. А. Говорунова. Спб.: Русский Мир, 2006. 637 с.

Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Автор. Перевод с англ. Н. Мишаковой М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.

Чивилёв А.А., Богданов С.В. Граница Европы и Азии: история вопроса, проблема верификации природных и культурно-исторических рубежей // *Уральский исторический вестник*. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН. 2011. № 2 (30). С. 95–105.

REFERENCES

Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space, in: Werth P., Kabytov P.S., Miller A.I. (eds.) *Rossiyskaya Imperiya v zarubezhnoy istoriografii* [Russian Empire in Foreign Historiography]. Moscow: Novoe izdatel'stvo [New Publishing], 2005. P. 277–310. (In Russian).

Chivilyov A.A., Bogdanov S.V. Granitsa Evropy i Azii: istoriya voprosa, problema verifikatsii prirodnykh i kulturno-istoricheskikh rubezhey [European-Asian Border: history of a question and verification problem of cultural and historical frontiers], in: *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Oural Historical Herald]. 2011. № 2 (30). P. 95–105. (In Russian).

Murzayev E.M. Gde zhe provodit` geograficheskuyu granitsu Evropy i Azii? [Where is the Geographical Border between Europe and Asia?], in: *Izvestiya Akademii nauk SSSR* [Soviet Academy of Science News]. *Seriya geograficheskaya* [Geographical Series]. 1963. № 4. P. 111–119. (In Russian).

Said E.W. Orientalism. Western conceptions of the Orient. Sankt-Peterburg: Russkiy Mir [Russian World], 2006. 637 p. (In Russian).

Schimmelpenninck van der Oye D. Towards the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. Moscow: Novoe izdatel'stvo [New Publishing], 2009. 421 p. (In Russian).

Wallerstein I. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. Moscow: Russian Fund for Science and Education, 2016. (In Russian).

Wallerstein I. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. Moscow: Russian Fund for Science and Education, 2016. (In Russian).

Wallerstein I. The Modern World-System III. The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s–1840s. Moscow: Russian Fund for Science and Education, 2016. (In Russian).

Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Moscow: Novoe izdatel'stvo [New Publishing], 2003. (In Russian).

«Восток» и «Запад» в пространстве исторического дискурса

А.В. Лубский

“The East” and “the West” in the Space of Historical Discourse

A.V. Lubsky

1. «Восток» и «Запад» – метафоры, теоретические модели или историческая реальность?

Ответ на этот вопрос зависит от того, что мы будем понимать в историческом исследовании под метафорой, теоретической моделью и исторической реальностью. В историческом исследовании метафора, выступая основой категоризации исторической реальности, становится средством идентификации и интерпретации исторических явлений, продуцируя образные модели исторической реальности, на основе которых впоследствии создаются различные теоретические модели. В связи с этим познавательная функция метафоры в историческом исследовании состоит в том, что она, с одной стороны, создает процедуру обработки различных структур исторического знания, а с другой – обеспечивает выход на абстрактный уровень исторического мышления. В этом плане «Восток» и «Запад» – это метафоры, позволяющие идентифицировать «коллективный восток» и «коллективный запад», а также интерпретировать схожие исторические явления и исторические процессы в одном семантическом и символическом пространстве.

Лубский Анатолий Владимирович, доктор философских наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, n_lav@mail.ru.

Lubsky Anatoliy V., Doctor of Science (Philosophy), Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, 1105/42, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia, n_lav@mail.ru.

Концепты «Восток» и «Запад» первоначально использовались в метафорическом значении, акцентирующем внимание на существующих различиях между западным и восточным мирами. Колониальной экспансия западных стран, когда сила государств определялась технико-экономическими и военно-политическими преимуществами, обнаружилось явное превосходство Запада. Это породило иллюзию о «неполноценности» восточного мира и застойном характере его общественного развития. В таких условиях метафоры «Восток» и «Запад» стали основой для разработки различных теоретических моделей как абстрактных конструкций, которые были призваны объяснить качественные различия между ними. «Востоком» и «Западом». Первоначально эти теории строились на основе представлений о принципиальном различии путей исторического развития «Востока» и «Запада». Например, К. Маркс в работе «Формы, предшествующие капиталистическому способу производства» эти различия выводил из особенностей общин и характера общинного производства: греческая община стала основой рабовладельческого способа производства, германская – феодального, а затем капиталистического, община восточного типа – азиатского способа производства.

В исторической науке «Восток» и «Запад» рассматриваются как историческая реальность. При этом в классической исторической науке «Восток» и «Запад» – это объективная историческая реальность, или историческая действительность. В неоклассической науке, в которой существует представление о том, что историческая действительность одна, а исторических реальностей как исторических реконструкции прошлого может быть много, «Восток» и «Запад» – репрезентативные исторические реальности, представляющие ее различные картины, в которых чувствуется культурный и эпистемологический почерк познающего.

2. Насколько исторически неизбежна дихотомия «Восток-Запад»? Восток – «то, чего не могло не быть», а Запад – «то, что могло не случиться»?

С позиций парадигмы историзма, предписывающей изучать исторические явления в развитии и во взаимосвязях друг с другом, Восток и Запад как объективные исторические реальности – это то, что «не могло не случиться». В рамках этой парадигмы некоторые исследователи считают, что исторически Восток вообще не является альтернативой Западу, а выступает исходным пунктом всемирно-исторического процесса. Так, российский востоковед Л.С. Васильев в историческом процессе выделяет три этапа: 1) время существования обществ азиатского типа, традиционных, социоцентристских с авторитарно-деспотической административной системой, основанной на принципах «власти-собственности» и «централизованной реди-стрибуции»; 2) время зарождения общества европейского типа, возникшего в результате социальной мутации в Древней Греции, появления такое уникальное исторического явления, как «Античность», ставшей в синтезе с христианством генотипом европейской цивилизации, инновационной, антропоцентристской,

частнособственнической, гражданской, и социальной дихотомии; 3) время западной экспансии на Востоке, симбиоза, а затем синтеза традиционных и европейских структур, большое влияние на которые оказало цивилизационное разнообразие Востока.

В рамках парадигмы историзма можно сделать вывод о том, что существенный перелом в альтернативном развитии Запада и Востока намечается в XIV–XVII вв. и достиг своего апогея к середине XX столетия, положившим начало переходу от синтеза культур к их симбиозу, благодаря которому, например, Япония и другие «восточные драконы» настолько успешно ассимилировали западную систему, что вступили с ней в успешную конкуренцию.

В этом плане возникновение «Востока» и «Запада» – это вполне закономерные исторические явления. Однако использование Л.С. Васильевым биологической метафоры «социальная мутация» заставляет задуматься, а не было ли появление Запада все же исторической случайностью. В связи с этим А.Н. Ерыгин считает, что западноевропейскую цивилизацию, прошедшую (в отличие от Востока) ряд самостоятельных исторических периодов, Л.С. Васильев мыслит как своеобразное отклонение от общего цивилизационного процесса развития в силу уникальности антично-капиталистической ориентации.

В связи с тем, что в современной литературе существует взгляд на Запад как на то, «что, что могло и не случиться», или исторический «казус», следует обратить внимание на синергетический подход, которому в последнее время уделяется повышенное внимание в исторической науке. Этот подход ориентирует историков на интерпретацию исторической действительности в русле теории самоорганизации сложных динамических систем, придавая при этом особое значение исторической случайности, которая оказывает влияние на выбор дальнейшего пути общественного развития, выводя систему на одну из собственных структур самоорганизации. В этом плане случайное появление «Запада» определило основные тренды развития человеческого общества в целом.

3. Насколько герметичны границы «Востока» и «Запада»? Возможны ли контактные зоны («не-Запад – не-Восток», «полу-Запад – полу-Восток») или анклав («Восток на Западе», «Запад на Востоке»)?

Границы «Востока» и «Запада» носят не географический, а исторический и ментальный характер. В массовом сознании на Западе «Восток» исторически воспринимался как «не-Запад». Вместе с тем восприятие «Востока» и «Запада», обусловленное ментальными программами людей, может ситуативно изменяться в зависимости от активизации рефлексивных или нерефлексивных структур этих программ. Это хорошо видно на примере длительной полемики между «западниками» и «почвенниками» о том, является ли Россия «Европой». На Западе Россия

ментально воспринимается преимущественно как «не-Европа». Однако в ментальных программах на Западе также существует не один, а два образа России. Один из них сформировался на нерелексивном уровне, носит устойчивый и в целом негативный характер. В отечественной литературе это образ получил название «западного мифа о России». Другой образ России в ментальных программах на Западе носит рефлективный, и поэтому неустойчивый характер. При этом, чем менее привлекательным оказывается образ России, формируемый субъектами, обладающими символическим капиталом власти, тем меньше людей на Западе считают Россию частью Европы.

В современном мире проблему «Восток – Запад» можно рассматривать в таком ракурсе, который предложил немецкий писатель Г. Гессе: «В мудрости Востока и Запада мы видим уже не враждебные, борющиеся силы, но полюса, между которыми раскачивается жизнь». В связи с этим следует отметить, что в условиях глобализации уже существуют и контактные зоны («не-Запад – не-Восток», «полу-Запад – полу-Восток»), и анклавов («Восток на Западе», «Запад на Востоке»). В частности, в рамках концепции «Великого лимитрофа», предложенного В.Л. Цымбурским, в качестве такой контактной зоны можно рассматривать «промежуточное пространство между цивилизациями», образованное переходящими друг в друга перифериями всех цивилизаций Старого Света: романо-германской (Западная Европа), арабо-иранской (Ближний и Средний Восток), российской, китайской и индийской.

К анклавам «Запад на Востоке» можно отнести прежде всего Японию и «азиатских тигров», которым удалось, опираясь на «почтительное отношение к людям умственного труда», совершить инновационный прорыв, благодаря соединению передовых американских и западных достижений в области науки и техники с национальными традициями и восточным менталитетом. В условиях «диалога» между цивилизациями появляются и анклавов «Восток на Западе». Это обусловлено, с одной стороны, тем, что в условиях движения Запада к постматериальным ценностям все большее распространение в западных странах получает восточная философия, восточная медицина, восточная кухня, в конечном счете, восточные ценности. С другой стороны, анклавов «Восток на Западе» появляются в странах западной демократии, благодаря резкому усилению миграционных потоков из незападных стран «бедного Юга».

4. Какое место в «западных» (европейских) концепциях Востока занимала и занимает Россия?

В XIV–XVII вв. пути цивилизационного развития России и Западной Европы разошлись: Россия пошла по мобилизационному пути развития, Запад – по инновационному. Реальные исторические события, отставание и отчуждение России от

Европы сыграли большую роль в теоретических представлениях о России в ее отношении к Востоку. Эти представления складывались в русле евроцентристской мысли Старого Света, которая с недоверием и скептицизмом относилась ко всему отличному от Запада. Уже Жан Боден в «Шести книгах о республике» не делает разницы между мусульманской Османской Турцией и православной Россией. Поэтому Европа и сегодня не избавилась от скепсиса к русской истории, а главное – недоверия к извечным поискам в России универсального смысла бытия. И лишь немногие западные исследователи не считают Россию ни отсталой периферией Европы, ни ее православной антитезой, ни соединением европейских и азиатских (восточных) элементов. Они рассматривают Россию как вполне самостоятельную цивилизацию, постоянно ищущую свой путь развития. Для них изучения России – это и способ самопознания Европы, позволяющего поставить не только вопрос, «Куда идет Россия?», но и вопрос – «Куда идет Европа?».

В современных европейски концепциях России, в которой сильны традиции восточного деспотизма, предъявляются претензии в том, что она не соответствует западным стандартам демократии. Парадокс этих претензий заключается не в том, что они носят необоснованный характер, а в том, что они декларируются в контексте мессианской идеи Запада, претендующего на трон в «царстве человеческом». Парадоксально, но идея метафизического Рима в новом облики вновь движется с Запада на Восток, подобно предыдущему спору о христианской истине.

Западными учеными по отношению к «Востоку» долгое время использовались классические концепции цивилизации и модернизации. В рамках этих концепций Россия рассматривалась как страна не западного мира, которой надо модернизироваться, если она хочет идти по пути развития цивилизованного Запада. Так, возникли концепции догоняющей модернизации, частичной или линейной модернизации, которые стали использоваться применительно к России. При этом рассматривались различные модернизационные сценарии для России: «модернизация как вестернизация», «вестернизация без модернизации», «модернизация без вестернизации». Опыт неудачного применения классической модернизационной теории в странах постколониального и посткоммунистического развития, привел к появлению постэволюционистских и постпрогрессистских теорий развития общества. Эти теории, базирующиеся на признании нелинейности и негарантированности общественного развития, в условиях появления такого мегатренда, как глокализация, перевели модернизацию на локальный уровень и лишил ее единого образца. В результате для были разработаны концепции «Хорошее общество» и «Устойчивое развитие».

5. Какие, по вашему мнению, концепции «Востока» («не-Запада»), изобретенные в XIX–XX вв., получили актуальное звучание на рубеже тысячелетий и почему?

На мой взгляд, на рубеже тысячелетий актуальное звучание получили концепции «Востока» («не-Запада»), разрабатываемые в различных локально-цивилизационных теориях. Интерес к этим теориям, с одной стороны, был вызван кризисом модернизационных теорий, обусловленным провалом различных политических проектов модернизации во второй половине XX в., с другой – был связан с обсуждением различных вариантов структурирования современного мира и роли в нем человеческого фактора. На рубеже XX–XXI вв. актуализация цивилизационного дискурса была обусловлена тем, что многовариантность исторического процесса стала усматриваться не в стадийных, а в типологических различиях, лежащих на разных линиях общественного развития. В частности, в России особой популярностью в это время стали пользоваться цивилизационные идеи А.Дж. Тойнби, который в качестве «живых» цивилизаций выделял «западный мир», «православно-христианское», «исламское», «индуистское» и «дальневосточное» общества.

В рамках локально-цивилизационного подхода утвердилось представление о том, что если Запад в цивилизационном отношении представляет собой относительное единое и достаточно закрытое для внешних влияний целое, то Восток в этом смысле единым никогда не был. На Востоке существует несколько цивилизационных ареалов, не только весьма своеобразных, но и в различной степени открытых вовне. Этот – исламская, индо-буддийская и конфуцианская цивилизации.

Актуальное звучание концепции «Востока» («не-Запада») получили также в различных культурно-антропологических теориях, связанных с изучением нормативных типов личности. В результате многочисленных исследований особенностей нормативных типов личности на Западе и Востоке удалось показать, что западный, или прометеевский человек видит мир в своей реальности, хаос которой он должен оформить своей организующей силой. Прометеевский человек – героический тип, он полон жажды власти, он все дальше удаляется от духа и все глубже уходит в мир вещей. Секуляризация – его судьба, героизм – его жизненное чувство, трагика – его конец. Восточный человек отличается от западного: героизму и экспрессивности западного он противопоставляет «универсальность» («безвкукусность»). В восточной культуре «безвкукусность» – пример мироощущения, ориентированного на сохранение гармонии мира, обладающего внутренним динамизмом развития, поэтому не требующего произвола человеческого вмешательства. В морально-религиозном плане «безвкукусность» – это признак совершенного вкуса, его универсальности, это высшая добродетель, ибо «вкус» есть предпочтение, а любая актуализация – ограничение. В культурной традиции Востока «безвкукусность» является положительным качеством. Это – ценность, которая в жизни реализуется в практике неосознанного социального оппортунизма, что означает принятие или устранение от дел с максимальной гибкостью и ориентацией исключительно на требование момента. Поэтому если добродетелями

западного человека являются энергичность и интенсивность, мода и сенсация, то восточного человека – точная середина и посредственность, бесшумность и увядание. Поэтому если западный человек ориентируется на будущее, то восточный человек – на вечность.